

Андрей БОЛТНЕВ:

Мое амплуа - обожженный летчик

Бывает так: талантливый актер меняет провинциальные подмостки на столичную сцену, и на том карьере его бесславно заканчивается, в Москве он не "проходит". У провинциала Андрея Болтнева судьба сложилась удачно: работая в новосибирском "Красном факеле", он снялся в знаменитой картине Алексея Германа "Мой друг Иван Лапшин", был приглашен в Московский театр им. Вл. Маяковского и стал одним из его ведущих актеров.

- Как вам по прошествии девяти лет столичной жизни вспоминается провинция?

- Я работал в маленьких городских театрах Дзержинска, Уссурийска, Майкопа. Уровень творчества там был очень невысоким, и не потому, что в этих театрах работали бездарные режиссеры и актеры. Просто число премьер доходило порой до двенадцати в год, спектакли, как мы тогда говорили, "лудились".

- Как вы попали в Новосибирск?

- Я женился на актрисе майкопского театра, которая была родом из Новосибирска, поехал знакомиться с родителями жены и заодно, на всякий случай, мы с Наташей показали в "Красном факеле", и нас приняли. "Красный факел" был тогда этаким сибирским МХАТом, в воздухе там витали спесь и фанаберия.

- О приглашении вас на роль Лапшина рассказывают теперь как о случае фатального везения.

- Даже фатального?.. В фойе висела моя очень неудачная фотография, я на ней был какой-то перекошенный, все думал переоснащаться. И именно эту фотографию увидел помощник Германа, который ездил по сибирским театрам и искал подходящего актера на роль Лапшина. Я ему приглянулся, и он позвал меня на пробу. Будь у меня на фотографии более красивый вид, может, и не бывать бы счастья. Да, это, конечно, случай, совпадение. Но если бы я, допустим, работал геологом, а самолет с режиссером сделал вынужденную посадку в тайге, у костра мы познакомились, и он увидел во мне героя - вот это было бы невероятным происшествием. А так, что ж, - я был актером, работал в театре, кое-что умел, иначе все могло бы ограничиться пробой на киностудии.

- Какое у вас амплуа? Социальный герой?

- Гончаров определил мое амплуа так - обожженный летчик или обмороженный танкист, вышедший из плена.

- Почему?

- Наверное, так выгляжу. А может быть, потому, что переиграл в кино очень много военных.

- Вам не хотелось бы расширить свой диапазон?

- Вы задаете очень щекотливый вопрос. Мы зависим от драматурга, режиссера. Понимаю, что зритель интересуется в актере, в первую очередь, способность к перевоплощению, потому что если из роли в роль актер преподносит себя, то это не интересно. Я играл когда-то давно комические роли. Но одно дело - что хочется играть мне, а другое - как меня видит режиссер, например, мой ввод на роль Менделя Крика в спектакль "Закат" явно неудачен. Это роль Джигарханяна, только его дело, но меня назначили, и я подчинился, хотя сам себе я в этом спектакле не нравлюсь и зрителю, наверное, тоже.

- Бывает настроение, когда хочется все бросить и поменять профессию?

- Нет. Это как-то нечестно.

- Перед кем?

- Перед самим собой. В актеры идешь потому, что ничем другим заниматься не можешь.

- Вы отказываетесь от каких-то предложений сниматься, если они связаны с низким уровнем драматургии?

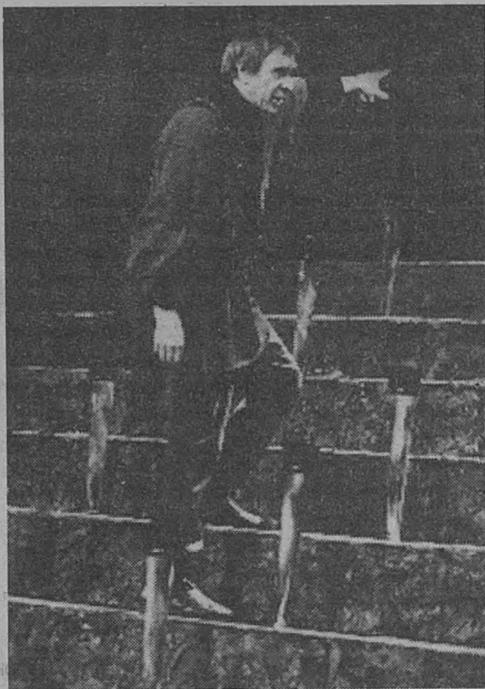
- Отказываюсь редко. Во-первых, потому что нужны деньги, во-вторых, потому что актеру надо мелькать, чтобы его не забыли, а в-третьих, почти в любом сценарии можно найти для себя что-то интересное. Вот, например, я недавно снялся в фильме "День любви". В общем-то я понимал, что это очень среднее кино, нелучший вариант американского боевика. Но в фильме была возможность посидеть за рулем машины, что я очень люблю, хотя своей не имею, да еще какой машины - шикарного "КамАЗа".

- А как Гончаров относится к тому, что вы часто бываете на съемках?

- Он сердится только в том случае, если я пропускаю репетиции.

- Вас узнают на улице?

- Узнают, но не так, как признанных, известных актеров.

Мое лицо кажется знакомым, но кто я такой, не помнят и при-вязывают меня к какой-нибудь своей истории - или армейской, или тюремной (и такое бывает), - и вот начинают вспоминать какую-то Клавку, как она разводилась, как мы выпивали и так далее. Иногда я отнекиваюсь, а иногда мне лень, и я поддакиваю. Но, конечно, кое-кто и узнает, иногда говорят комплименты...

- Почему вы до сих пор живете в общежитии?

- Это долго объяснять. Я вообще-то ленив, а для того, чтобы получить квартиру, надо было ходить по кабинетам. Потом человек, который занимался моим квартирным вопросом, оказался членом ГКЧП и сгинул, сейчас, кажется, дело сдвинулось с мертвой точки. Конечно, все эти годы я мотался в Новосибирск, Наташа приезжала в Москву, но жить вместе в Москве в общежитии было невыносимо и значило испортить отношения. Впрочем, могу сказать, исходя из собственного опыта, что жизнь вдвоем от друга способствует укреплению семьи.

- У вас есть дети?

- Да. Дочке двенадцать лет.

- Вспоминая прошлое, вы жалеете о чем-нибудь?

- Нет. Но, впрочем, я жалею о том, что плохо в школе учил немецкий язык - со свойственным советскому школьнику прагматизмом отметил то, что мне тогда казалось ненужным. Спустило много лет я понял, что нет ничего хуже состояния, когда находишься за границей и не можешь объяснить. На гастролях нашего театра за рубежом у меня постоянно возникает ощущение дискомфорта. Вообще школьные годы я вспоминаю как не самые лучшие в моей жизни. Я жил в Туапсе, маленьком приморском городке, где после девяти вечера на улицах никого не было, кроме иностранцев и проституток. Боялись вечером гулять, и, не дай Бог, было заговорить с каким-нибудь финном или норвежцем - сразу сообщали в комсомольскую организацию, начинались проработки, выяснения.

- А вас прорабатывали?

- Всякое бывало.

- Сколько я себя помню, идут разговоры о том, что театр умирает, а сегодня, и подавно, театр вполне заменим трансляциями по телевидению заседаний Думы. А как повашему?

Театр мне кажется неотъемлемой частью цивилизации. Что только с человечеством не происходило - и голод, и эпидемии, и войны, а театр как-то умудрился выжить. Утверждают, что самая древняя профессия - проституция, а я думаю, что актерская профессия древнее. Я себе это представляю так: много тысяч лет тому назад, после удачной охоты измученное племя отдыхает, и кто-то один понимает, что людей надо подбодрить, и он начинает рассказывать, как проходила охота, показывать ее в лицах - кто-то струсил, кто-то оказался храбрым. Соплеменники слушают и постепенно оттаивают, смеются, у всех улучшается настроение. На следующий день все повторяется. Так родилась профессия актера.

- Вы интересуетесь политикой?

- Да. Я живу в этой стране, и мне безразлична ее судьба. Но профессионально я никогда бы политикой заниматься не стал, потому что для этого надо обладать талантом особого свойства. Талантом, от меры которого зависит судьбы людей.

- Вы часто вспоминаете свою работу с Германом?

- Конечно, это была моя судьба. Работать было безумно интересно. Он брал в картину людей с определенным складом характера, определенными психофизическими данными. Ничего не нужно было играть, достаточно было актеру войти в кадр, улыбнуться, нахмуриться, и он работал на эстетику этого фильма.

- Вы бы еще хотели сниматься у Германа?

- Да, конечно. Но мне почему-то кажется, что больше он меня не позовет...

Беседу вела Ирина ПОЛИЧИНЕЦКАЯ